

ХАРАКТЕРЫ

Екатерина Варкан

СКАЗАННОЕ СБЫВАЕТСЯ

Валерия Нарбикова рассуждает о том, что остается после текста

ВЫ ПИСАТЕЛЬ и пишете пером, но еще и кистью.

— Вообще тексты я пишу карандашом в постели, потому что он не пачкается. А кисти пачкаются, и нужно потом долго отмывать руки. Это процесс и время. Поэтому прозу я могу писать всегда, а живописью должна заниматься.

— А как-то связаны эти два процесса?

— Когда я пишу прозу, я чувствую себя очень плохо. Писатель есть некоторый аппарат, который через себя слово пропускает, которое наркотик. И когда меня отвлекают бытовые проблемы, я думаю, может быть, даже почти убеждена, что слово меня требует, как наркомана в виде сосуда, через который оно проходит. И это самое печальное, когда я нахожусь по отношению к слову в пассиве, а оно по отношению ко мне в активе.

С живописью — совсем наоборот. С живописью у нас страсть. Я всегда хочу написать на холсте то, что не могу написать на бумаге. Такой постеловный момент. В общем, в картине — все, что мне не удается в слове.

— И какие цвета у вас преобладают?

— Бледно-белесо-белково-обескровленные. Скорлупа у яйца — какого цвета?

— С матовым оттенком. И именно этот колорит оттеняет вашу жизнь?

— Как остаточный. Это то, что остается после текста.

— А можно ли научиться писать?

— Ни в коем случае. Это вообще занятие бессмысленное. Нельзя объяснить, что, какой стимул движет человеком. Просто он ничем не может заниматься. И так каждый день, через день, через два. Человек находится в режиме и жить вне этого режима уже не может.

Писатель и человек — два разных индивида. Писатель как бы проживает две жизни — среди людей и в виде слова. Иногда он умирает как человек. А иногда воскресает как писатель. Но все это не страшно, если учитывать, что литература самое игривое, самое воздушное занятие. Трагично только, что тот, кто пишет, ничего не знает о том, что он может написать в следующий момент.

— А есть ли у вас свой собственный образ, причем сформулированный вами?

— Мне смешно, когда говорят, что любят меня как героиню моих текстов. Могут заметить, что автор абсолютно не адекватен герою. У меня несколько героев, и я проживала жизнь за каждого, но не она за меня.

— В произведениях, а в жизни?

— А в жизни я просто живу и не могу к ней привыкнуть. То ли жизнь такая бо-

В московском Музее архитектуры открылась персональная выставка живописи Валерии Нарбиковой. Одна из самых известных писательниц 90-х, автор недавних романов «План первого лица. И второго», «Около эколо», «Шепот шума», Валерия в последнее время все чаще находится в Германии. «Дойч Академия» предоставила ей материальную возможность заниматься творчеством. Кроме литературных талантов, подтвердились и способности Нарбиковой к рисованию. Сложно определить технику, используемую автором, но, очевидно, при создании живописных произведений шли в ход металл, дерево, холст, масло, кофе, коньяк.

Валерия Нарбикова.
Фото Артема Чернова (ИГ-фото)

гатая, то ли я такая бедная. Только свыкнешься с одной жизнью, начинается другая, а потом третья. Этот процесс может быть бесконечным. Ненормальность сегодняшней жизни меня восхищает. Она чудовищная, гадкая, противная, красивая, нищая, роскошная, злая — любимая на самом деле. К ней применимы все абсолютно эпитеты русского языка. И не каждый человек способен ее переварить. А может, я такую выбираю.

Со мной лично вообще отдельная история. Больше всего мне хочется, чтобы меня оставили в покое. Я до двух часов дня вообще никого не могу видеть, людей в смысле. Утром мне кажется, что язык утрачен. Я не умею разговаривать. И все вокруг примитивно — да-нет, яичница, кофе с молоком. Утро надо счастливо миновать, пережить его или не присутствовать. Зато вечер — это замечательно. Можно разговаривать, интересно слушать. А еще любопытно, что ска-

жет вечером тот человек, который хотел сказать тебе что-то утром.

— А кто такие мужчина и женщина?

— Мужчина — это нечто, что воображает себе женщина. Хотя он вполне реальный человек. Реальный — потому что производит активные действия, которые воздействуют на женщину. И чем более сильное это воздействие, тем он более мужчина. И тем он более состоялся, кстати. Ну а женщины — пассивны. В красоте, которая активно действует на мужчин и восхищает. То есть пассивность их на самом деле повод для активности мужчин. Пол — вещь естественная, и чем более он выражен в человеке, тем более он человек — мужчина или женщина.

Полное понимание дает нам опять русский язык. В нем существует слово «оно», которое лежит за пределами мужчины и женщины. Вот «оно» — это ровно то самое, чем не стоит заниматься во-

все. «Оно», как солнце, для которого это, конечно, хорошо.

— А есть ли связь между понятиями литература и конъюнктура?

— Если человек просчитывает и делает специально, то такая работа в литературе малоинтересна. Это более имеет отношение к погоде, скажем.

— А как определить, насколько некто искренен в писании?

— Я не знаю таких случаев, когда писателю был дан заказ и он этот заказ качественно выполнил. А если качественно, я не уверена, что именно этот заказ. Не был ли у него свой собственный заказчик? Подпольный по отношению к заказу заказчика.

— А вы как пишете?

— Как вам сказать? Как проснусь, так и пишу. (Смеется.)

— Какой процент населения реализовал свою возможность писания?

— Во-первых, непонятно, какой про-

цент реализовал свою возможность чтения. Я вообще не уверена, читают ли люди. То есть они почитывают. Литература и присутствие языка — это вообще для большого любителя. А есть, кто не читает, а перечитывает. Для меня, например, прочтение книги — это первое открытие этой книги, писателя, языка. И потом ты его любишь и уже участвуешь. Соучастник процесса вроде.

Мало людей читают книги. Еще меньше их перечитывают. Еще меньше их могли бы написать. И еще меньше хотели бы перечитать свои собственные. Сужение идет до линии, как объем сужается до плоскости. В конце концов, получается, что литература, язык литературный и есть та самая линия, а человеческое общение — объем.

Я, например, этим занимаюсь, потому что не могу заниматься больше ничем. Но мне с самой собой нескучно. Хотя иногда возникает ощущение западни, замкнутого пространства. Ты пытаешься определить — этому нет определения, пытаешься назвать — этому нет названия.

— А как можно обозначить писательский успех?

— К сожалению, это не при жизни. При жизни, даже имея успех, писатель его не ценит, потому что для него существуют другие, более важные вещи. Успех, наверное, оценят зрители извне. Он, скорее, для внешнего созерцания, не собственного. Вот картинка: дали премию — успех. Выпил шампанского, с друзьями обнялся, поцеловался. А завтра — это уже и не такой и успех.

— Кстати, с получением премий или других поощрений, признания меняется ли жизнь? В том числе материально. И после выпитой бутылки шампанского, может быть, случилось что-то внутри?

— Может, привыкаешь и уже живешь в этом успехе и сам не в состоянии это оценить? Тогда, наверное, надо быть большим наблюдателем за собственной личностью. Наблюдая со стороны, может быть, можно наслаждаться успехом, я думаю.

— И это может менять жизнь?

— Да, конечно. Если ты был сторожем или кочеваром — и вдруг имеешь возможность ничего этого не делать и в Париже жить. Безусловно.

— Это важно — жить в Париже?

— Это приятно.

— А вот Пушкин ни разу в Париже не был.

— Зато он был в Михайловском.

— Где ж тот царь, отправьте в ссылку, — воскликнула я, впервые побывав там.

— Там действительно замечательно. И хочется побежать по этой тропке к этой речке. Но мы забываем, что ведь не он же сам туда себя сослал. Если бы он купил себе путевку, заплатил бы деньги и купил путевку в Михайловское... (Смеется.) Когда тебя ссылают, ты ссыль-

ный, а если ты сам покупаешь, ты, получается... отдыхающий. Пушкин — отдыхающий.

Я, кстати, посмотрела в справочнике одного очень крупного европейского издательства — Пушкина переведена только «Пиковая дама». То есть он для них вовсе не поэт. У них для этого есть свои. И им этого хватает для собственного языка. А меня радует то, что мне не надо читать Достоевского в переводе, Толстого в переводе и Пушкина в переводе на русский язык. Меня радует, что это я могу читать по-русски.

— Как вы думаете, рожденный в каком языке приобретает и этот некий менталитет? Человек, конечно, может знать и множество других языков, но живет только в одном. От этого зависит и его темперамент, и внутренний ритм, и уклад, и настроение. Поэтому грузин, русский, француз — разные люди.

— Наверное, это так. Я не понимаю переводную литературу. Того же Пушкина перевести на английский, получится очень посредственный текст. В этом смысле только качество написанного на родном языке — абсолютно уплощенное качество. Но не надо предъявлять лишних требований к языку как средству, скажем, межнационального общения. Для этого есть более универсальные вещи. Например, музыка, которую не надо переводить, или живопись. Зато язык — совсем интимно. Он же и самая глубокая вещь для своего народа. Народ язык душой понимает. Это, как стихотворение, для которого мысли недостаточно. Необходимо сочетание глулости, интонации, ритма, пустоты, красоты...

— Таким образом, мы приходим к тому, что совершенно не знаем зарубежную литературу, не можем ее понять.

— Зато мы качественно знаем русскую.

— Слава Богу, нам есть что почитать. Скажите, если язык имеет такую силу, возможна ли материализация того, что сказано, о чем написано?

— Материализация литературных героев? Иногда они имеют на меня большее влияние, чем реальные люди. И я не могу от этого избавиться. От того, что сделано мною из букв и слов. Меня смущает, что даже в сложных жизненных ситуациях я иногда больше нахожусь с персонажем, чем с человеком. А надо держать дистанцию, чтобы не попасть в рабство. Иногда даже хочется придумать еще какого-то героя, чтобы он уничтожил предыдущего.

И еще, когда я пишу, мне всегда хочется привнести в текст некий момент прозрачной грусти, что очень сложно. Я счастлива, если это получается. А с живыми людьми грусть посещает меня часто, но она не радует. Это скучно.

— А может быть, вас возбуждает то,

что в тексте вы можете задать судьбу своему герою, а в жизни это не всегда получается?

— Удивительно, но иногда случается, что человек, который со мной живет, вдруг становится литературным персонажем. (Смеется.) А герой — реальным человеком.

— Говорят же, что сказанное сбывается. Вы подтверждаете это наблюдение?

— Я всегда знала, что сбывается. Но, послушайте, не до такой же степени! Это более касается личной жизни, конечно, и чтобы ее не обсуждать, приведу пример из жизни общественной. В начале 80-х я написала некий текст. Там действие происходило в Москве. И был еще бассейн «Москва», и о храме не было речи. Однако некий храм с бассейном сошелся. И все это было описано. Потом кто-то из концептуалистов сотворил такое действие. Мне не очень понравилось. А сегодня мы все это имеем реально. Но совпадения и предугадания происходят безотчетно. Если бы мы владели такой силой, чтобы загадать в тексте и — материализовалось, это было бы пророчество. А писатель, к сожалению, часто не пророк. Не получается влиять на судьбу человечества. Да это и грешно. Однако опасайтесь говорить. Совпадения случаются. И слова материализуются. В общем, сказанное сбывается.

— Как вы думаете, как должен жить писатель?

— У него должна быть шляпа, автомобиль. Потому что ботинок никогда нет и с носками сложно. Потом некоторый уединенный домик, куда он мог бы поехать на этом автомобиле. И погода. Причем погода должна меняться. Красиво погода в России меняется. Есть зима, весна, лето, осень. По крайней мере четыре раза наступает разная погода. Я не могу представить, как можно писать в Африке. Все время жара. Кошмар. (Смеется.)

— А как вы могли бы представить ваше бытие?

— Я же сказала: шляпа, автомобиль, уединенный домик, речка, озеро. И какое-то пространство, где не то чтобы люди хотят видеть тебя, а ты хочешь видеть людей. Не они тебя ищут и находят, а ты к ним выходишь, и вы радуетесь встрече друг с другом.

ИЗ ДОСЬЕ «ИГ»

Валерия Спартаковна Нарбикова родилась в 1958 в Москве. Писательница. Первая повесть «Равновесие света дневных и ночных звезд» опубликована в 1988 году в журнале «Юность». Автор повестей «Шепот шума», «Около эколо», романа «И путешествие» и других произведений.